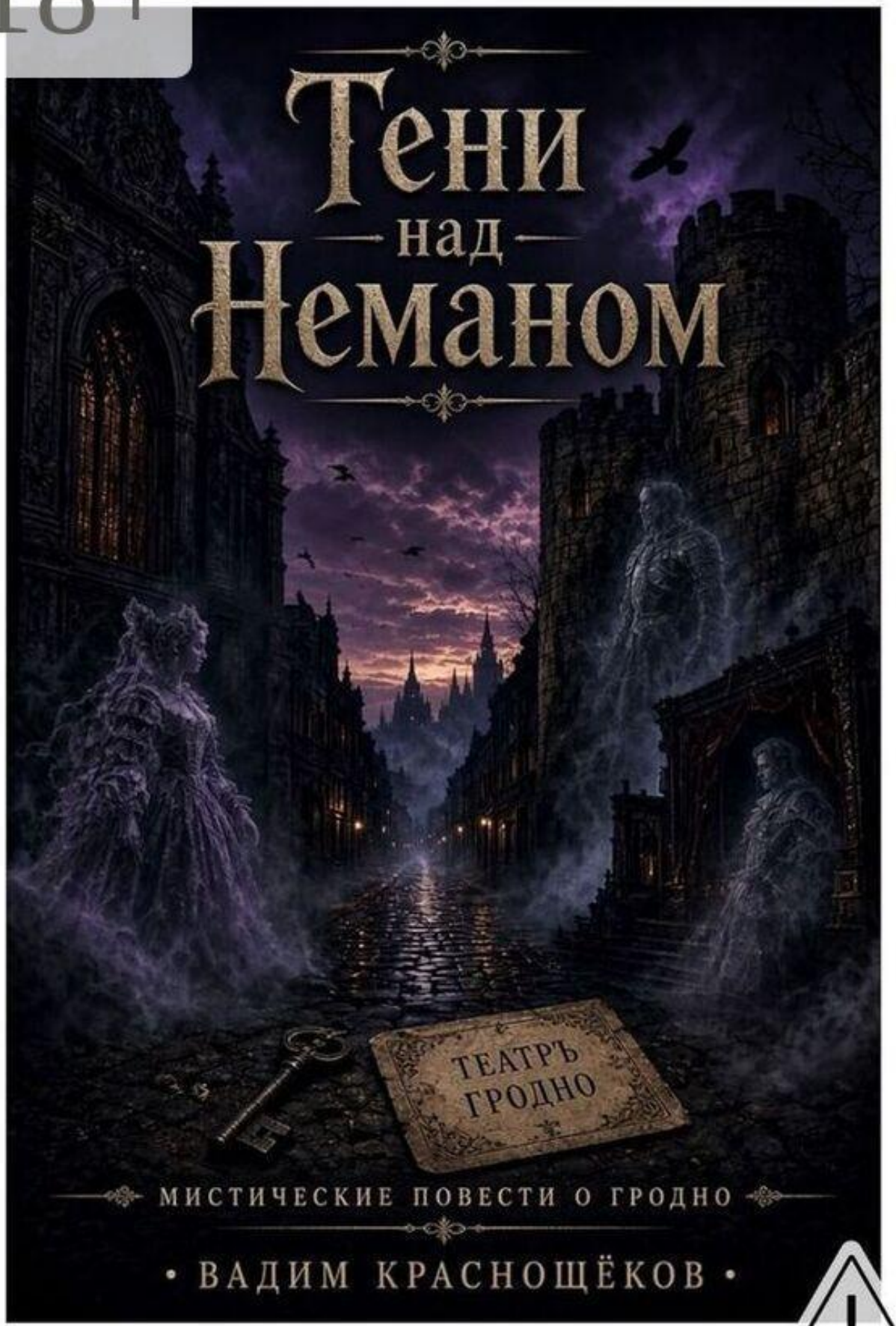
18+

Тени
над
Неманом
ТЕАТРЪ
ГРОДНО
МИСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ О ГРОДНО
• ВАДИМ КРАСНОЩЁКОВ •

Вадим Краснощеков

Тени над Неманом

«Издательские решения»

Краснощеков В. М.

Тени над Неманом / В. М. Краснощеков — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Сборник мистических новелл «Тени над Неманом» открывает завесу тайны над самыми загадочными уголками Беларуси. Веками Гродно, Несвиж и Мир копили секреты на узких мощеных улочках, прятали их в подвалах старинных замков и за алтарями барочных костелов. Эта книга предлагает по-новому взглянуть на канонические городские легенды, оживляя их пугающие детали. Каждый рассказ — искусное переплетение реальной истории и леденящей душу мистики, заставляющее вглядываться в ночные силуэты городов с трепетом.

© Краснощеков В. М.
© Издательские решения

Содержание

Княжна на двоих 6
Часть первая. Полон 6
Часть вторая. Ссора 9
Часть третья. Суд 13
Эпилог 15
Вето на кровь 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Тени над Неманом

Вадим Михайлович Краснощеков

© Вадим Михайлович Краснощеков, 2026

ISBN 978-5-0071-5567-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Княжна на двоих

Часть первая. Полон

Осень 1305 года выдалась ранняя и злая. Снег лег уже в середине октября. В эти дни тевтонское войско комтура Конрада Михтенхагена подступило к Гродно, когда Неман уже покрылся ледяной шугой, а по утрам трава хрустела под копытами лошадей, как битое стекло. Рыцари в белых плащах с черными крестами шли плотной стеной, и железный лес их копий колыхался над холмами.

Кастелян Гродно Давыд стоял на краю замковой башни, и серый плащ его хлопал на ветру, точно крыло раненой птицы. В его осанке не было княжеской неги — только натянутая струна, готовая лопнуть в любой миг. Он смотрел на запад, туда, где за Неманом затаился Орден крестоносцев. Те, кто видел Давыда в сече под Раттенбургом, говорили, что он не сражается — он вершит суд, и меч его не знает промаха. Для крестоносцев он был карой господней, а для Гродно — единственной стеной, что еще крепче камня.

Спустя час Давыд уже был у самой воды и с войском встретил их у переправы. Он стоял на высоком берегу, опершись на меч, и смотрел, как его люди занимают позиции среди валунов и коряг. Кольчуга его была проста, без серебряных накладок, какие обычно носили князья, — Давыд не любил украшений на войне. Только православный крест на груди да сталь, что выдержит удар. Его задачей было не пустить в Гродно этих псов с запада и дождаться из Лиды князя Гедимина с подкреплением.

— Плотнее, плотнее! — кричал он лучникам, что залегли за камнями. — Пусть подойдут ближе. По коням бейте, по коням!

Немецкое войско втягивалось в излучину, где река делала петлю, прижимая чужаков к обрывистому берегу. Лучники ждали, замерзшими пальцами сжимая тетивы луков. Давыд поднял руку, но в это мгновение сквозь строй крестоносцев он увидел её. Даже издали, даже сквозь морозную дымку было видно, как она не похожа на всех остальных пленниц, что сидели в других обозах, сбившись в кучу, укутанные в рванье. Она сидела прямо, гордо подняв голову — не потому, что хотела покрасоваться, а потому, что иначе спина начинала дрожать от холода и унижения. Тёмно-синий плащ, расшитый серебром, уже пропитался запахом дыма и лошадиного пота, но она всё равно придерживала его на груди двумя руками, словно это могло сохранить хоть каплю былого достоинства. Ветер хлестал по ее щекам, вырывал пряди русых волос из-под капюшона, но она не прятала лица. Не потому, что была бесстрашной — просто если опустить голову, то уже не поднимешь, она это очень хорошо знала и пока ещё не решила сдаваться. Пленница смотрела на приближающиеся стены Гродно — далёкие, серые, равнодушные — и думала: «Если там меня убьют — пусть. Только бы не в этой телеге, не среди этих чужих рож, не под их взглядами, которые уже меня раздевают». В глазах её не было страха — только усталость и холодное, почти болезненное презрение к тем, кто вёз её в неволю, и к тем, кто смотрел на неё сейчас с высокого берега.

— Кто это? — спросил Давыд у разведчика, что лежал рядом.

— Дочь князя мазовецкого Болеслава Берта, — хрипло ответил тот. — Междоусобица там у них… Орден помог одним, других в полон забрали. Говорят, сам комтур Конрад за неё выкуп хочет взять, потому и бережёт.

— Но почему она здесь, в самом пекле? — спросил Давыд. — Конрад обезумел?

— Они разграбили её усадьбу в предместьях Торна неделю назад, — ответил разведчик. — Конрад побоялся отправлять её назад лесами, думал проскочить к Гродно и уже тут решить её судьбу.

Давыд стиснул зубы. День клонился к закату.

— Руку, — крикнул он лучникам. — Роняй руку!

По этой команде лучники поднялись разом, словно одно живое существо. Тетивы звякнули, и туча стрел взмыла в бледное небо со страшным нарастающим свистящим звуком. После чего сразу началась сеча, которая длилась до темноты.

Давыд бился в первых рядах, как и всегда. Меч его пел в воздухе, разрубая кольчуги, сбивая с коней рыцарей в белых плащах. Он видел, как падают и его люди, как ржут лошади, как вода в Немане краснеет от крови. Но он видел и другое: как дрогнули крестоносцы, когда лучники ударили им во фланг из-за валунов, как смешались их ряды, как побежали кнехты, бросая оружие.

К ночи Орден отступил. Гродненские дружинники гнали их до самого леса, рубя спотыкающихся, падающих, обезумевших от страха немецких солдат. А когда бой стих, начали собирать добычу и пленных.

Давыд, тяжело дыша, вытер меч о траву и поднял голову. Телега с мазовецкой княжной стояла на том же месте, где и была. Возчик лежал мертвый, лошади били копытами, напуганные запахом крови. А вокруг телеги уже собрались свои — двое всадников в литвинских плащах, оба молодые, оба горячие и оба с мечами наголо. Спорили они громко, не стесняясь в выражениях.

— Я первый её заметил! — кричал один, светловолосый, с рассечённой бровью. — Ещё на подходе! Я комтуру прямо в рожу смотрел, когда он её вёз!

— А я того комтура срубил! — отвечал второй, чернявый, с узким, злым лицом. — Моя рука, мой удар! Моя и добыча!

Девушка сидела в телеге, не шевелясь. Она смотрела на них сверху вниз, и губы её кривились в презрительной усмешке. Два воина в грязных, забрызганных кровью плащах делили её, как кусок мяса.

— Потише, — сказал Давыд, подходя ближе. Голос его был негромок, но оба спорщика сразу замолкли и опустили мечи.

— Княже, — светловолосый ткнул пальцем в девушку. — Она знатная. За неё выкуп… золотом дадут. Я первый…

— Я первый! — перебил чернявый. — Я её в бою отбил!

Давыд посмотрел на девушку. Она встретила его взгляд спокойно, без вызова, но и без страха. Красива, подумал он. Очень красива. Такая красота и вправду стоит дорого и многих губит.

— Поздно, — сказал он устало. — Ночь. Завтра разберёмся. А сейчас — перевязать раненых, похоронить убитых, выставить дозоры и ее охранять обоим и глаз не смыкать.

Он повернулся и пошёл прочь, слыша за спиной, как спор разгорается с новой силой. Он не знал тогда, что этой ночью случится непоправимое.

Часть вторая. Ссора

Они снова взялись за свое у костра, когда остальные уже спали.

— Ступай, княжья дочь, — чернявый рывком вытянул Берту из телеги.

Она споткнулась, босые ноги ушли в ледяное месиво из снега и конского навоза. Для этих людей, пришедших из глухих пущ, её титул был лишь звоном далеких колоколов. Они поклонялись Перкунасу и верили в силу стали, а не в грамоты римских пап. В их глазах Берта была лаумой, лесной добычей, наградой за кровавую тризну, которую они справили над немцами у переправы.

— Глянь, кожа белая, как пенка на молоке, — светловолосый бесцеремонно коснулся её шеи заскорузлым пальцем. — Одежда добрая, серебром шитая. Боги дали нам её, чтобы согреть постель после сечи.

Он говорил о ней так, будто обсуждал породистую кобылицу. В их взглядах не было рыцарского почтения — только закон леса: кто взял за гриву, тот и хозяин.

— Мои боги дали мне силу срубить комтура, — прорычал чернявый, отталкивая руку товарища от девушки. — А значит, эта девка — моя доля. И плевать, чей крест она носит на шее. Здесь, под Гродно, правит тот, у кого крепче топорище

— Глянь, — светловолосый бесцеремонно коснулся пальцем серебряного шитья на её плече. — Одежда тонкая, кожа белая. Добрая будет жертва, если зарезать, или справная жена, если оставить.

Он говорил это так, будто обсуждал породистую кобылицу. В их взглядах не было рыцарского почтения, которое Берта привыкла видеть при дворе отца. Там были правила, обеты, кодекс чести. Здесь же царил закон леса: кто взял за гриву, тот и хозяин. Для них она была лишь сгустком красоты и золота, который боги бросили под копыта их коней.

— Мои боги дали мне силу срубить немца, — прорычал чернявый, отталкивая руку товарища. — А значит, эта девка — моя доля в этой тризне.

«Два пса, — подумала она с внезапной ясностью. — Оба в крови, оба воняют железом и потом, оба готовы перегрызть друг другу глотку из-за куска мяса. А мясо — это я».

— Я старше, — говорил светловолосый. — У меня право первого выбора.

— Право у того, кто сильнее, — отвечал чернявый, поглаживая рукоять меча.

Берта переводила взгляд с одного на другого. В горле стоял ком, но она заставила себя заговорить — низким, властным голосом, в котором сквозь мазовецкий выговор прорезалась такая ледяная горечь, что мечи в руках воинов дрогнули.

— Остановитесь, — сказала она, и оба замерли, будто кукла вдруг обрела душу. — Я не знаю ваших имен и не хочу знать ваших оправданий. Вы лаетесь здесь, споря о моей цене, но сами не стоите и ломаного гроша, раз готовы грызть друг другу глотки за спиной у своего князя.

Светловолосый усмехнулся, но в глазах мелькнуло замешательство.

— И что с того, княжна? Кто-то из нас всё равно заберет тебя в шатер. Кого ты выберешь?

— Если один из вас падет — победителю останется лишь мой страх и кровь брата на руках, — отрезала она, глядя ему прямо в лицо. — Неужели вы настолько глупы, что думаете, будто Давыд отдаст меня тому, кто запятнал этот снег позором и предательством?

Она посмотрела сначала на широкоплечего, громкого, с рассечённой бровью. Потом на чернявого — узкое злое лицо, рука уже на мече, глаза как угли. «Тот, кто добрее — умрёт первым, — подумала она с внезапной тоской. — А тот, кто злее… тот, может, и выживет. Но и я с ним не выживу».

— Тебя, — сказала она чернявому, глядя прямо в глаза. — Ты злее. Такие живут дольше.

Чернявый осклабился, а светловолосый побелел.

— Вот шлюха, — выдохнул он и шагнул к ней. Он схватил её за руку, рванул на себя. Боль прострелила запястье, и Берта впервые вскрикнула — коротко и зло.

— Отпусти!

— А ну прочь! — чернявый выхватил меч. В этот момент Берта вырвалась и отступила на шаг, чувствуя, как снег жжёт ступни. Сердце колотилось так сильно, что казалось — сейчас вырвется из груди.

— Благородные рыцари, — прошипела она с издёвкой, и в голосе уже не было страха, только ярость и отчаяние. — Защитники веры. Два зверя грызутся из-за кости, а кость ещё дышит.

Светловолосый размахнулся и ударил её по лицу. Мир взорвался болью. Она упала на колени, кровь из разбитой губы капнула на снег — горячая, яркая. Появился вкус железа во рту. Наворачивающиеся слёзы жгли веки, но она не дала им пролиться. «Не плачь, — сказала она себе мысленно. — Только не перед ними».

И вдруг засмеялась — тихо, горько, сквозь слёзы. Потому что это было так нелепо, так чудовищно смешно: два красивых, сильных, молодых мужчины готовы убить друг друга из-за неё — а она хочет только одного: чтобы это всё поскорее закончилось.

Она упала на колени, кровь из разбитой губы капнула на снег. Чернявый взревел и бросился на соперника.

Звон мечей расколол ночную тишину. Они рубились не на жизнь, а на смерть, забыв обо всём. Девушка сидела на снегу, прижимая ладонь к разбитому рту, и смотрела на них. Красивые, сильные, молодые — и безумные. Безумные от крови, от усталости и от желания обладать ею. Она засмеялась. Тихо, горько и сквозь слёзы.

И в этот миг один из них — чернявый, тот самый, что был злее — нанес удар. Светловолосый пошатнулся, выронил меч, схватился за бок, где из-под кольчуги хлынула кровь.

— Я ранен… — прохрипел он, падая на колени.

— Умри, — сказал чернявый, занося меч для последнего удара.

— Стойте!

Они оба замерли. Голос прозвучал откуда-то из темноты, спокойный, ледяной. Из тени вышел Давыд Гродненский. Он стоял и смотрел на них — на раненого, на победителя, на девушку в снегу. Лицо, дубленое ветрами и посеченное мелкой сеткой шрамов от кольчужных колец. Глаза — холодные, «волчьи», привыкшие всматриваться в густые беловежские туманы.

— Княже… — начал чернявый.
— Молчи.

Давыд подошёл к девушке, протянул руку, помог встать. Она дрожала, но глаза её горели.

— Хороша, — сказал Давыд негромко. — Из-за такой и вправду убивают.
— Княже, она моя по праву, — чернявый шагнул вперёд. — Я в честном бою её взял. А этот… — он пнул ногой раненого, — этот лез не по делу.

Давыд посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты её взял, — повторил он. — Как вещь. Как трофей. И готов был убить брата по оружию из-за неё.
— Он первый начал.
— Неважно.

Давыд перевёл взгляд на девушку.
— Как зовут тебя?
— Княжна Берта, — ответила она чуть слышно.
— Княжна Берта. Слышишь, воин? Не полонянка, не добыча. Княжна! С чего ты взял, что княжна может принадлежать тебе? Вынесешь ли ты на себе такую ношу?

Чернявый молчал, сжимая рукоять меча.
— Отдай мне свой меч, — сказал Давыд.
— Княже, я…
— Отдай меч.

Чернявый медленно, с ненавистью, протянул ему оружие. Давыд взял его, повертел в руках, взвесил на ладони. Потом подошёл к раненому, что лежал на снегу, и посмотрел на него.

— Твоя рана несерьезная, зарастет — сказал он, — но из дружины — вон оба.
— Княже! — чернявый рванулся вперёд. — За что?! Она же наша добыча!
— Она человек, — оборвал Давыд. — Не вещь, не трофей и тем более не причина для братоубийства. Вы оба это забыли.

Он повернулся, собираясь уйти, уводя девушку с собой. Но чернявый вдруг засмеялся — зло, надрывно.
— Княже, — сказал он. — Ты мудрый, ты справедливый. А скажи: что делать с тем, что уже случилось?

Давыд остановился.

— Мы поссорились из-за неё, — продолжал чернявый. — Кровь пролилась. И что теперь? Отпустить её? Чтобы завтра другой взял? Или послезавтра? Она — причина. Понимаешь? Причина. И пока она есть, покоя не будет.

Давыд медленно повернулся. В глазах его было что-то страшное.
— И что ты предлагаешь?

Чернявый выхватил меч белобрысого и в два шага оказался рядом с княжной.

— Я предлагаю, — сказал он, — чтобы никто не ссорился.

Берта успела только увидеть, как поднимается меч — слишком быстро, слишком близко. В последний миг она подумала: «Значит, вот так. Не в темнице, не от голода, не под пыткой. Просто — потому что я оказалась между ними». Она даже не вскрикнула. Только короткий выдох — и тьма.

Кровь брызнула на снег, на лицо Давыда и на руки убийцы. Тело девушки, разрубленное до живота, упало. Она даже не вскрикнула, и в свете костра это было так чудовищно, так непоправимо, что раненый воин закричал — тонко, по-бабьи, закрывая лицо руками.

Чернявый стоял над трупом, тяжело дыша, и смотрел на Давыда.

— Вот, — сказал он хрипло. — Теперь пусть каждый возьмёт ту часть, которая ему больше нравится. Чтобы не ссориться благородным рыцарям.

Тишина стояла такая, что было слышно, как потрескивают угли в костре. Давыд смотрел на него долго-долго. Потом вытер кровь с лица рукавом и сказал: — Она была ключом к Мазовии, — негромко произнес Давыд, не глядя на виновников. — А теперь она — просто мясо. Но ты прав — больше никто не поссорится.

Часть третья. Суд

Суд собрали наутро, на том самом месте, у потухшего костра. Приговор был предрешен еще в полночь, но закон требовал свидетелей.

Снег вокруг был истоптан, залит кровью, которая за ночь почернела и взялась коркой. Тело девушки лежало там же — Давыд запретил накрывать его, заставив воинов всю ночь вглядываться в содеянное.

Воины стояли плотной стеной, сжимая древки копий. Раненого светловолосого приволокли под руки — он был бледен, как полотно, и не поднимал глаз. Чернявый же стоял перед князем один, гордо вскинув подбородок.

Давыд не смотрел на них. Он грел руки над углями, прежде чем заговорить. Голос его прозвучал буднично, как на смотре войск:

— Ты знаешь закон. За убийство без приказа — смерть.

— Я не убивал своего, княже, — дерзко ответил чернявый. — Я убил лишь пленницу. Убил, чтобы сохранить мир в десятке.

— Какой мир? — Давыд медленно поднялся и шагнул к нему. — Ты убил дочь князя. Не врага в сече, не воина. Ты разрубил её, как тушу на псарне. Ты лишил нас выкупа и союза против немцев, но главное — ты превратил мой полк в отряд мясников.

— Она была причиной ссоры!

— Она была человеком.

Чернявый криво усмехнулся: — Ты слишком мягок, княже. На войне все — мясо. И мужчины, и женщины. Какая разница, как умирать? Она отмучилась быстро.

Давыд слушал, и на его лице проступила ледяная, едва заметная улыбка человека, который уже всё решил. Он повернулся к блондину, который дрожал от лихорадки и страха, и задержал на нем взгляд дольше обычного. Словно взвешивал: оставить ли в живых того, кто видел этот ужас, но не успел его совершить.

— Хорошо, — негромко произнес Давыд. — Ты прав. На войне все — мясо. И ты тоже.

Движение князя было смазанным и молниеносным. Чернявый успел лишь дернуться что бы закрыть себя от удара, но Давыд уже перехватил его запястье. Один короткий, страшный разворот плеч — и сталь рассекла воздух. Голова покатилась к ногам раненого блондина. Тот судорожно вздохнул, зажимая рот рукой.

Давыд вытер клинок о плащ казненного и посмотрел на выжившего.

— Ты, — бросил он блондину, и тот вжался в снег. — Будешь жить. Будешь жить долго, чтобы помнить этот рассвет. Я не пожалел его, потому что он убил беззащитную. Я казнил его, потому что он забыл, что мы — люди, а не звери. Иди. Теперь ты — память этого полка.

Князь ушел, не оборачиваясь, а раненый воин остался на коленях перед тем, что осталось от княжны Марии и своего побратима. Он смотрел на нее и впервые видел не добычу, не приз,

не повод для спора. Он видел девушку, которая еще вчера расчесывала волосы и мечтала о чем-то своем. Девушку, которую они убили.

Он прожил после этого еще сорок лет. Завел семью, поседел в битвах. Но каждую ночь он снова стоял босой на снегу, чувствуя вкус разбитой губы и видя её глаза, которые безмолвно спрашивали: «За что?»

Эпилог

В Гродно до сих пор показывают место у старого городища, где, по преданию, Давыд Городенский учинил свой суд. Никто не знает точно, было ли это на самом деле. Но когда спрашиваешь стариков, откуда пошла поговорка «красота губит, а гордыня губит вдвойне», они кивают в сторону Немана и говорят:

— А это ещё при Давыде случилось из-за одной княжны мазовецкой. Очень красивая была и очень несчастная. И замолкают, потому что больше нечего добавить.

Вето на кровь

Вода в Немане всегда была темной. Она темная даже в полдень, когда солнце золотит шпили гродненских костелов, а у подножия Замковой горы вода кажется тяжелой, маслянистой и бездонной. Кажется, что это не вода, а сама вечность течет медленно между двумя мирами, и кто в нее глянет — тот увидит свое лицо, но по ту сторону реальности.

Я, Гельмут Шмидт — доктор искусствоведения, специалист по античности, хранитель древностей и смотритель музея. До того, как судьба и партийные чистки забросили меня в это пограничье, я мерил шагами залы Пергамского музея в Берлине. Я верил, что мир подчинен логике и каталожному номеру. В Берлине боги были из мрамора, они молчали под светом электрических ламп. Там, среди четких линий прусской столицы, мистика казалась мне недоразумением, пылью, которую нужно просто смахнуть с фолианта. Но, Гродно… Гродно же стал для меня местом, где бумага начала кровоточить.

В новый замок Гродно меня назначили в октябре 1941 года и теперь я часто глядел в воду Немана. Особенно в те сумерки, когда туман выползал из низины и лизал каменные лапы сфинксов, что стерегли въезд во двор. Эти две твари из серого песчаника смотрели не на дорогу. Казалось, что они всегда смотрели на реку и ждали. Даже до того момента, когда они тут появились.

Моя каморка, в которой я жил и работал, располагалась в северном крыле, в бывшей комнате для челяди. Окно выходило во двор, прямо на арку. Обстановка была скудной: узкая железная кровать, скрипевшая при каждом вдохе, и массивный дубовый стол, покрытый пятнами от чернил и парафина.

По углам стояли ящики с неразобранными архивами — наследие Тызенгауза[1] и Понятовского[2], которое я должен был инвентаризировать для Рейха. Воздух здесь был особенным: смесь запаха сырой речной тины, старой кожи переплетов и эрзац-табака, который я курил, чтобы заглушить вонь гнили, поднимавшуюся от Немана. На стене висел советский календарь на 1941 год с надписью: «Двадцать четвертый год Великой Октябрьской революции» и маленькое зеркало в треснувшей раме. Каждый раз, глядя в него, я видел, как седина в моих волосах становится всё более похожей на речной туман.

За окном город затихал рано. Армейские патрули в тяжелых шинелях гулко стучали коваными сапогами по брусчатке Замковой, перекликаясь между собой и нарушая почти могильную тишину. Гродно под их пятой казался притаившимся зверем. Костелы молчали, их шпили протыкали низкое серое небо, а из гетто, что находилось совсем рядом, за старыми стенами, проникал лишь тяжелый, липкий страх, который, казалось, смешивался с испарениями реки.

Легенду про сфинксов я знал с детства и в силу своей работы много читал про них в старых немецких изданиях. Про то, что это не просто городское украшение, а стража. И что стража эта немая, но помнящая горе и страх. Проходя под их тяжелыми взглядами, полагалось

---

[1] **Антоний Тызенгауз (Тизенгауз / Тизенгаузен; 1733—1785) —** политический и общественный деятель Великого княжества Литовского, гродненский староста, просветитель и меценат.

[2] **Станислав II Август Понятовский (1732—1798)** — последний король Речи Посполитой (правил в 1764—1795 гг.).

затаить дыхание и ступать бесшумно, чтобы не разбудить камень. Говорили, что если сфинксы услышат живое сердце, они заговорят, и их шепот обрушит проклятие на город.

Но была и другая легенда, тайная, про которую не писали в официальных изданиях, но которая переходила из уст в уста, которую рассказывали непослушным детям. Легенда про королеву Бону.

Ее имя в городе не любили. Говорили, что итальянка привезла с собой не только моду на каменных идолов, но и древние, жуткие обычаи своего юга, которые корнями уходили то ли в Карфаген, то ли в древний Египет. Местные рассказывали мне, что Неман принимал от нее страшные дары, что по ночам, когда король Сигизмунд был в Кракове или в объятиях другой возлюбленной, Бона выходила к реке и разговаривала с ней. И будто по ночам она приносила реке жертвы.

Знаете, в любых легендах есть доля правды и я в силу своей любознательности должен был докопаться до истины. А для этого мне нужно было разрешение коменданта на доступ к архивам.

Путь к кабинету временного коменданта лежал через парадные залы Нового замка, которые теперь пахли не духами фавориток Понятовского, а дешевым армейским мылом и разогретым гуталином. На стенах, где раньше висели гобелены с охотничьими сценами, теперь скалились красные полотнища со свастикой.

Комендант, майор фон Берг, был человеком с лицом, высеченным из того же холодного гранита, что и фундамент замка. Он не любил Гродно, он видел в этом городе лишь стратегический узел на карте и бесконечные отчеты о снабжении.

— Доктор Шмидт, — фон Берг не поднял глаз от бумаг, когда я вошел. Его сухие пальцы вертели серебряную перьевую ручку. — Вы снова просите расширить зону вашего… «археологического любопытства»? Мне казалось, инвентаризации главного фонда вполне достаточно для отчета в Берлин.

Я склонил голову, придав лицу выражение подобострастной научной серьезности.

— Господин майор, отчет в Берлин должен быть безупречен, но я столкнулся с досадным пробелом. В описи 1793 года упоминается коллекция инкрустированного оружия, подаренная королю Сигизмунду, а по моим данным, ящики с этими артефактами были перемещены в закрытый архив башни еще до раздела Речи Посполитой.

Я намеренно сделал акцент на «оружии». В 1941 году это слово действовало на военных магически, даже если речь шла о ржавых саблях четырехсотлетней давности.

— Оружие? — фон Берг наконец поднял взгляд. Его светлые, почти прозрачные глаза впились в меня. — Вы полагаете, оно представляет ценность для коллекции Рейхсмаршала?

— Безусловно, господин майор. Итальянская работа, дамасская сталь. Но проход в башню заколочен, а ключи утеряны еще при поляках. Мне нужно ваше письменное разрешение на вскрытие печатей и доступ к библиотечным фондам башни. Это формальность, но я не смею нарушать предписанный порядок.

Майор едва заметно усмехнулся. Моя педантичность ему льстила. Он верил, что я — такой же винтик в машине, как и он сам.

— Хорошо, Шмидт. Идите. Возьмите у дежурного унтер-офицера ломик и пару солдат, если нужно выбивать двери. Но помните: я жду подробную опись всего, что имеет отношение к металлу. Ваши пыльные свитки меня не интересуют. Можете хоть сжечь их в камине, если в башне будет слишком холодно.

Он быстро черкнул подпись на бланке и припечатал её тяжелым штампом. Глухой стук печати отозвался в моих ушах как выстрел. Я забрал бумагу, стараясь, чтобы мои пальцы не дрожали.

Я лгал ему. Никакого оружия в башне не было — я знал это по старым картам. Но там была ее Тень. Там была Бона Сфорца. В этом я был абсолютно уверен, и теперь у меня был официальный пропуск в этот кошмар.

Унтер-офицер Ганс и рядовой с заспанным лицом сопровождали меня к подножию башни. Ганс ворчал, поправляя на плече тяжелую кирку: для него эта миссия была лишь досадной задержкой перед обедом.

— Что мы там ищем, герр доктор? — спросил он, сплевывая на серые плиты. — Старые железки? В Гродно этого добра в каждой подворотне навалом.

— Мы ищем историю, Ганс, — сухо ответил я, указывая на массивную дубовую дверь, окованную потемневшей от сырости сталью. Печати, наложенные еще десятилетия назад, превратились в серые хлопья воска.

Дверь не поддавалась. Ганс с размаху вогнал острие кирки в щель между косяком и полотном. Раздался оглушительный, сухой треск — будто сломали чье-то колено. В застоявшемся воздухе лестничного пролета поплыла вековая пыль. Она была тяжелой, горькой, она лезла в горло, пытаясь задушить непрошеных гостей.

— Дави, Стефан! — скомандовал унтер-офицер.

Они налегли плечами. С диким скрипом, перешедшим в протяжный стон, дверь поддалась. Из темноты башни на нас пахнуло не просто холодом — это был запах забытого времени, склепа и чего-то сладковато-приторного, что никак не вязалось с сухой бумагой.

Солдаты вошли первыми, освещая путь фонарями. Лучи света выхватывали из тьмы скелеты книжных шкафов, груды мусора и обрывки истлевших гобеленов. На полу лежал ровный слой пыли, по которому, стоило нам сделать шаг, пошли круги, как по воде.

— Пусто, — Ганс разочарованно пнул ногой пустой кованый сундук. — Ваше «оружие», герр доктор, должно быть, уехало отсюда еще при Наполеоне.

Я молчал. Мой взгляд был прикован к полу, там, где свет фонаря скользил по широким доскам, я заметил странную деталь — пыль лежала везде, кроме одного небольшого участка у самого основания стены, под винтовой лестницей. Словно здесь, в этой мертвой тишине, что-то постоянно шевелилось, не давая осесть серому налету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.